

ВВЕДЕНИЕ

Впервые европейские голландские поселенцы, бурсы¹, появились в Южной Африке в середине XVII в. в районе города Капстад (ныне Кейптаун). Для управления Капской колонией была введена должность губернатора. Через несколько лет туда стали прибывать европейские переселенцы не только из Голландии, но и из Германии, Дании и Франции (гугеноты). Они захватили близлежащие земли и, используя труд африканцев, занимались земледелием и скотоводством. Белые колонисты не только превращали в рабов местное население, но и привозили рабов из своих владений с территории Юго-восточной Азии, Мадагаскара и Западной Африки. В результате их смешения с белыми образовалась группа так называемых цветных (мулатов)².

¹ Воег (нидерл.) – крестьянин. Самоназвание буров – африканер, африкандер, т.е. африканец. Африканеры – потомки голландских, французских и немецких колонистов, в основном, протестанты. Язык – африкаанс (диалектный голландский). В ЮАР проживает свыше 3 млн буров. Они есть также в Намибии, Зимбабве, Замбии, Кении, Великобритании, США и др. *(Здесь и далее прим. составит.)*

² Кроме того, недостаток женщин вынуждал буров жениться на рабынях из Юго-Восточной Азии, Мадагаскара и мулатках. Поэтому до 25% африканеров имеют в своих жилах африканскую или азиатскую кровь. К тому же французские гугеноты привезли на юг Африки культуру виноградарства, откуда и пошли лучшие в мире на данный момент капские вина и коньяки

В 1795 г. англичане аннексировали Капскую колонию. Введение английского языка в качестве обязательного, а также прибытие большого числа поселенцев из Великобритании и увеличение налогов вызывало недовольство буров. Принятый британским парламентом в 1834 г. закон об освобождении рабов с небольшим возмещением материального ущерба их хозяевам, а также всё более ощутимый недостаток пастбищ привели к переселению части бурских поселенцев в глубь континента. В 1836 г. начался так называемый Великий трек (Великое переселение) на земли, не принадлежавшие Британской империи.

После нескольких десятилетий кровопролитных войн с местными племенами (коса, зулу и др.) к середине XIX в. на северо-востоке современной территории ЮАР большинство буров-треккеров создали два государства – Южно-Африканскую Республику (до 1881 г. – Республика Трансвааль)³ и Оранжевое Свободное Государство.

Африканеры жили на фермах, занимались сельским хозяйством (в основном разведением крупного рогатого скота), заставляя работать на себя порабощённое местное население. Но в 1867 г. им на беду на границе между Оранжевым Свободным Государством и британской Капской колонией было найдено

(бренди-ликёры). Гугеноты вместе с немцами-протестантами по происхождению благодаря умению в сельском хозяйстве и ремёслах постепенно стали наиболее богатой и образованной (по меркам африканеров) прослойкой среди буров. То же положение сохраняется в ЮАР и по сей день: многие фермеры, предприниматели, преподаватели, учёные, военные и инженеры – буры по происхождению носят французские или немецкие фамилии.

³ Южно-Африканская Республика (Zuid Afrikansche Republik) основана бурами, переселившимися из Капской колонии в середине 30-х годов XIX в. в междуречье Вааля и Лимпопо. Республика Трансвааль была провозглашена в 1856 г., в 1877 г. была аннексирована Великобританией, но после вооружённого восстания 1880–1881 гг. вновь обрела независимость и отныне официально именовалась Южно-Африканская Республика, но неофициально называлась Трансвааль. Была окончательно присоединена к Великобритании 1 сентября 1900 г.

крупнейшее в мире месторождение алмазов. Позже этот спорный район попросту захватила Владычица морей.

В 1877 г. англичане ввели в столицу Трансвааля, Преторию, небольшой вооружённый отряд и объявили о присоединении его к Британской империи.

В конце 1880 г. буры Трансвааля подняли восстание, начав военные действия против англичан. После нескольких военных поражений Великобритания была вынуждена в 1881 г. подписать Преторийскую конвенцию, подтвердившую независимость Южно-Африканской Республики и Оранжевого Свободного Государства. Иногда исследователи называют эти события первой англо-бурской войной.

Англо-бурская война 1899–1902 гг. (некоторые исследователи именуют её второй англо-бурской войной) стала также заключительным этапом продолжавшейся более 50 лет борьбы за утверждение британского господства в Южной Африке.

Обнаружение в Трансваале в 1886 г. богатейших золотосодержащих месторождений оказало самое существенное влияние на судьбу Южной Африки. Быстрое развитие добывающей промышленности способствовало подъёму других отраслей, железнодорожного транспорта, энергетики. Правящие круги Великобритании сделали ставку на захват сопредельных земель, в результате чего к середине 90-х годов XIX в. бурские республики оказались в окружении британских владений.

Первоначально английские власти предполагали, что усилившийся приток европейских переселенцев (ойтландеров) в район золотодобычи позволит присоединить Южно-Африканскую Республику, а затем и Оранжевое Свободное Государство к британским владениям мирным путем. И действительно, значительный рост белого населения за счёт приезжих (преимущественно англичан) привел к тому, что к концу XIX в. численность иностранцев в Трансваале уже существенно превышала число буров. В то же время обострение в 1890-х годах

борьбы европейских держав за африканские колонии заставляло британские власти торопиться с захватом бурских республик. Для этого использовали любой предлог.

Тем временем в Южно-Африканской Республике и Оранжевом Свободном Государстве за счёт иностранных кредитов и доходов от золотодобычи, быстро возводилась сеть железных дорог. Так, в 1894 г. Нидерландская железнодорожная компания, владевшая всеми железными дорогами в бурских республиках, протянула ветку от Претории до порта Лоренсу-Маркиш, расположенного в бухте Делагоа в португальском Мозамбике (ныне столица Мозамбика город Мапуту). Отныне Великобритания не могла полностью контролировать доставку в бурские республики любых грузов, включая военные.

В конце декабря 1895 г. хорошо вооружённый отряд британской частной Привилегированной компании, возглавляемый Л.С. Джемсоном⁴, пересёк границу Трансвааля со стороны Бечуаналенда (Ботсваны) с целью захвата золотодобывающего района с его центром, городом Йоханнесбургом. Предлогом стало якобы угнетение соотечественников, которые подняли вооружённый мятеж, требуя перевести районы золотодобычи под британскую юрисдикцию. Но через несколько дней отряд попал в засаду к бурам и после двухдневного боя был вынужден сдаться. Это событие, вошло в историю под названием «Набег Джемсона».

Чтобы защититься от колонизаторов, в 1896 г. Южно-Африканская Республика и Оранжевое Свободное Государство заключили оборонительный союз.

Особенно остро стоял вопрос о политическом статусе европейских поселенцев. Они владели более чем 80% всей собственности и настаивали на снижении ряда несправедливых с их точки зрения налогов, а также на равноправии английского

⁴ Джемсон Леандр Стар (1853–1917) – врач по образованию. Родился в Англии. В Южной Африке с 1878 г. Друг и сподвижник Сесилия Родса. Позднее – известный политический деятель Капской колонии.

языка с голландским (официальным языком бурских республик). Но главным являлось требование о предоставлении иммигрантам гражданства и равных избирательных прав. В таком случае новые переселенцы могли победить на выборах в трансваальский парламент, что угрожало бурам потерей политической власти. Поэтому африканеры крайне неохотно шли на предоставление гражданства ойтландерам и лишь под сильнейшим давлением со стороны Великобритании были вынуждены уменьшать срок натурализации сначала с 14 до 9, а затем до 7 лет.

Губернатор Капской колонии А.Мильнер⁵, используя в качестве предлога выступления ойтландеров, проводившиеся на английские деньги, потребовал уравнивать проживавших в Южно-Африканской Республике ойтландеров в политических правах с бурским населением. С 31 мая 1899 г. в течение нескольких месяцев проходили трудные переговоры между Мильнером и президентом республики Крюгером⁶, в ходе которых африканеры неизменно шли на уступки. Однако британское правительство выдвигало заранее невыполнимые требования, в частности в ультимативной форме потребовало предоставления избирательных прав преимущественно английским колонистам. Затягивая таким образом переговоры, Великобритания готовилась к военному вторжению в бурские республики. Перед лицом неизбежной войны (в сентябре и начале октября 1899 г. Великобритания провела мобилизацию и отправила морем для захвата обеих бурских республик 53 тыс. военнослужащих⁷ в дополнение к уже находившимся у их границ

⁵ Мильнер (Милнер) Альфред (1854–1925) – губернатор Капской колонии в 1897–1905 гг.

⁶ Президентом Южно-Африканской Республики в 1883–1902 гг. являлся Стефанус-Йоханнес-Паулус Крюгер, президентом Оранжевого Свободного Государства в 1896–1902 гг. – Мартинус Теунис Стейн.

⁷ 47,5 тыс. войск было послано непосредственно из метрополии (Англии, Шотландии, Уэльса и Ирландии), не считая добровольцев поступивших на

30 тыс. британских войск) политические руководители африканеров решили не дать Англии выиграть время для высадки войск.

Чрезмерно жёсткие требования британского правительства, удовлетворение которых означало бы потерю политической независимости Южно-Африканской Республикой стали основной причиной развязывания военных действий.

9 октября 1899 г. правительство Южно-Африканской Республики предъявило правительству Великобритании требование: удалить свои войска, дислоцированные у границ ЮАР и Оранжевого Свободного Государства, и отозвать войска, направлявшиеся в Капскую колонию морем, запретив их высадку в любом порту Южной Африки. Это был фактически ультиматум маленькой африканской страны могущественнейшей Британской империи, срок его исполнения определялся в 48 часов.

10 октября 1899 г. министр колоний в правительстве консерваторов Джозеф Чемберлен⁸, направил президенту Южно-Африканской Республики Полю Крюгеру депешу с требованием предоставления избирательных прав всем европейцам, прожившим в Трансваале не менее пяти лет. Так называемый ультиматум Чемберлена в конечном счёте спровоцировал начало военных действий. 11 октября 1899 г. (29 сентября по старому стилю) в 5 часов вечера по местному времени войска Южно-Африканской Республики и Оранжевого Свободного Государства перешли границы Капской колонии и Наталя.

службу в воинские части непосредственно в Южной Африке, и воинских частей отправленных из Индии, Мальты, Гибралтара и Кипра.

⁸ Чемберлен Джозеф (1836–1914) – английский политический деятель. В 1885–1903 гг. – министр колоний (государственный секретарь по вопросам колоний) Великобритании один из главных (наряду с Сесилем Родсом) организаторов англо-бурской войны. Его сын Нейвил Чемберлен (1869–1940) являлся премьер-министром Великобритании в 1837–1940 гг. и вместе с Деладье прославился в Мюнхенском сговоре (продаже Чехословакии Гитлеру в 1938 г.)

Войска буров разделились на три группы. Восточная, под командованием генерала П.Жубера⁹ (25 тыс. человек) – сосредоточилась в Трансваале у границ Наталя; южная во главе с Л.Гроблером¹⁰ (6 тыс. человек) – в Оранжевой Свободной Республике; западная, под руководством генерала А.Кронье (10 тыс. человек) – двумя отрядами в обеих республиках. Отдельные бурские отряды сосредоточились на северных и восточных границах Трансвааля (1000 человек).

Вначале буррам противостояла почти 30-тысячная английская армия под командованием генерала Дж. Уайта¹¹ (с 31 ноября 1899 г. – генерала Р. Буллера). Однако удача не сопутствовала англичанам. В октябре того же года войска бурских республик взяли города Ньюкасл, Гленко, форсировали реку Тугела и небольшими отрядами стали продвигаться к столице Наталя, приморскому городу Дурбан. На западе они вошли в Бечуаналенд, преодолев реку Оранжевую, а с востока подошли к Капской колонии.

Другими словами, в течение ноября–декабря 1899 г. и частично января–февраля 1900 г. войска союзных бурских республик имели явное преимущество. Они вторглись в англий-

⁹ Жубер Петрус Якобус (1834–1900) – главнокомандующий армией Трансвааля в 1880–1900 гг. и объединёнными вооружёнными силами бурских республик в 1899–1900 гг.

¹⁰ Гроблер Фредерик Альбертус (1850–1901) – бурский генерал, участник англо-бурской войны. Не проявлял должной инициативы и в сентябре 1900 г. был смещён. Воевал как простой боец. Скончался от лихорадки.

¹¹ Уайт (Вайт) Джордж Стюарт (1935–1912) – британский фельдмаршал. Участвовал в подавлении восстания в Индии в 1857 г. и в войне с Афганистаном в 1879–1880 гг. Служил в Египте, Индии. В 1889 г. произведён в генерал-майоры и назначен на должность главнокомандующего британскими силами в Индии. С 1897 г. – генерал-квартирмейстер министерства обороны Великобритании. Во время англо-бурской войны командовал гарнизоном окружённого бурами города Ледисмита, чем отвлёк на себя значительные силы буров и не позволил им поднять восстание в Капской колонии и Натале. Осада Ледисмита продолжалась 118 дней. В марте 1900 г. Уайт был назначен губернатором Гибралтара, а в 1903 г. произведён в фельдмаршалы. С 1904 г. – в отставке.

ские колонии – Наталь и Капскую колонию, а также в протекторат Бечуаналенд, осадили города Ледисмит (важный железнодорожный узел), Кимберлей (мировой центр алмазодобычи), Мафекинг, перерезав тем самым стратегически важную железную дорогу между Капской колонией и Южной Родезией (ныне Зимбабве) и провели несколько удачных военных операций против британских войск, заняв стратегически важные горные перевалы. Однако ввиду распыления многочисленных сил на блокаду трёх городов вместо ускоренного наступления в сопредельные британские колонии, где, особенно в Капской колонии, им была бы обеспечена вооружённая поддержка многих десятков тысяч буров, проживавших там под британским владычеством, их успехи оказались кратковременными.

После тяжёлых поражений в первый период войны британские власти начали массовую переброску войск на юг Африки, сменили командование (вместо генерала Буллера главнокомандующим английскими войсками был назначен фельдмаршал Робертс, а начальником штаба вместо генерала Хантера¹² стал генерал Китченер), создав многократный перевес в численности войск и артиллерии. 11 февраля 1900 г. англичане

¹² Хантер Арчибальд (1856–1936) – британский генерал, участник войны в Судане (1896–1898). Перед англо-бурской войной был назначен руководителем штаба генерала Буллера. Был определён начальником штаба британских войск на юге Африки, но не смог приступить к своим обязанностям, поскольку был вынужден помогать генералу Уайту спешно укреплять Ледисмит. Во время его осады был одним из руководителей обороны города. В марте 1900 г. после освобождения города был произведён в генерал-лейтенанты и позднее участвовал в боях у Фортинстимса. Затем преследовал бурских партизан и вместе с генералами Гамильтоном и Макдональдом окружил отряд трёх тысяч буров Мартинуса Принслоо, который вынужден был сдать в июле 1900 г. В конце 1901 г. был отозван в Англию. Позднее служил в Индии, в 1905 г. получил чин генерала армии. С 1910 по 1913 г. был губернатором и комендантом Гибралтара. Во время Первой мировой войны занимался обучением новобранцев.

начали широкое наступление с фланга, обойдя горную местность, где окопались буры.

В конце февраля английские войска сняли осаду с Кимберлея и Ледисмита, в марте заняли столицу Оранжевого Свободного Государства Блумфонтейн, а в июне 1900 г. – столицу Трансвааля Преторию. Но на этом война не закончилась.

Командование бурской армии с марта 1900 г. постепенно перешло к совершенно неожиданной для противника тактике ведения военных действий – партизанской войне, которая продолжалась почти два года. Небольшие конные отряды буров, возглавляемые такими известными бурскими военачальниками, как генералы Луи Бота¹³, Якоб Деларей и Христиан Девет,

¹³ Бота Луис (Луи) (1862–1919) – бурский генерал и политический деятель, состоятельный фермер. Выиграл два знаменитых сражения при Колензо (декабрь 1899 г.) и при Спионскопе (январь 1900 г.). После смерти главнокомандующего генерала Жубера, последовавшей 28 марта 1900 г., в возрасте 37 лет Луи Бота был назначен исполняющим обязанности главнокомандующего войсками союзных республик. В начале мая его войска сдерживали неприятеля, пока шла эвакуация Претории. После этого Бота реорганизовал все отряды с тем, чтобы каждый из них сражался в своём родном округе как можно дольше, и в июле и августе 1900 г. участвовал в боях с англичанами в юго-восточном Трансваале. Понимая стратегическую важность железной дороги к Делагоа, защищал её до конца августа. Позднее проводил успешные операции против изолированных британских гарнизонов.

Во время мирных переговоров в 1902 г. он выступал за почётный мир. С образованием в 1910 г. Южно-Африканского Союза (ЮАС) он получил пост премьер-министра и министра сельского хозяйства.

Первая мировая война окончательно разделила африканеров. Великобритания попросила ЮАС захватить Юго-Западную Африку (Намибию). Парламент страны огромным большинством голосов проголосовал за использование войск. 15 сентября 1914 г. началась подготовка восстания африканеров (генералы Девет, Бейерс, Мариц), в качестве предлога для которого послужило случайное убийство бурского генерала Деларея. Восстание началось, но через полтора месяца было подавлено самими африканерами, а его вожди отделались краткими сроками тюремного заключения и большими денежными штрафами. Бота прекрасно провёл военную кампанию в Намибии (высадился с моря в нескольких портах) в 1915 г. и в мае захватил столицу колонии Виндхук. В мае и июне войска буров искусным манёвром окружили отступавшие германские войска, которые сдались 9 июля.

быстро перемещались по обширной территории, взрывали мосты и железнодорожные пути, пускали под откос, сжигали и грабили поезда с продовольствием, денежным содержанием, боеприпасами и обмундированием, повреждали телеграфную связь, совершали налёты на небольшие отряды и гарнизоны британской армии. Используя хорошее знание местности, а также быстрых коней (местные породы лошадей – басуто-пони и бурперд (бурская лошадь) – по выносливости, как правило, превосходили закупавшихся англичанами в различных странах Европы и Америки) буры становились трудноуловимыми.

Сломить сопротивление африканеров англичане смогли только при помощи жесточайших мер. Чтобы лишить партизан помощи местного населения, британские войска жгли бурские фермы, а мирных жителей едва ли не впервые в истории человечества принудительно помещали в концентрационные лагеря. Около 114 тыс. бурских женщин, детей и стариков, а также более 100 тыс. их чёрных слуг были согнаны в концлагеря, а пленных буров (более 23 тыс. человек) опаряжали в концлагеря, расположенные в других английских колониях. В Капской колонии и Натале содержалось около 2 тыс. пленных африканеров.

Потери англичан убитыми и умершими от болезней (тифа, дизентерии, желтухи, лихорадки) составили 22 тыс. и более 100 тыс. потеряло трудоспособность.

Буры потеряли 4 тыс. убитыми и 27 тыс. (в том числе 22 тыс. детей) умерли в концлагерях от голода и болезней. К этому списку следует добавить от 14 до 20 тыс. чернокожих.

Бота участвовал в работе Версальской конференции в 1918 и 1919 гг., добился включения Намибии в состав ЮАС в качестве подмандатной территории.

Луи Бота скоропостижно скончался в августе 1919 г. в Претории в возрасте 56 лет от сердечного приступа. Его заслуженно считают одним из лучших бурских полководцев, в отличие от других военнопольных он прославился не столько в партизанских действиях, сколько в горной позиционной войне против регулярных британских войск.

Причём условия их содержания в английских концлагерях были гораздо хуже, чем белых.

Потери всех воюющих сторон, включая местное чёрное и индийское население, составили по меньшей мере 72 тыс. человек.

Огромное численное превосходство британской армии, большие потери среди гражданского населения, опустошение ферм¹⁴, уничтожение урожая и поголовья крупного и мелкого рогатого скота, вооружение местных чёрнокожих жителей для борьбы с повстанцами, рекрутирование буров, лояльных Великобритании (для проведения внезапных ночных и утренних рейдов против партизанских баз), медленное и успешное подавление сопротивления африканеров¹⁵ – всё это заставило бурское командование пойти на переговоры.

Для Великобритании эта война также была разорительной, и она стремилась поскорее её закончить. 31 мая 1902 г. Британская империя пошла на подписание мирного договора, по которому бурские республики стали английскими колониями Трансвааль и Оранжевой реки. Более того, англичане пошли на уступки бурам в «туземном» вопросе, отказавшись от своих прежних требований относительно политических прав для небелого населения, которых оно смогло добиться только спустя более чем 90 лет – в 1994 г.

События в Южной Африке всколыхнули общественное мнение в России, обострились англофобские настроения, около 250 российских подданных (10% всех иностранных добровольцев) участвовали в войне на стороне буров. Тот факт, что

¹⁴ За время войны английскими войсками были разрушены и сожжены 33 тыс. домов буров.

¹⁵ Посредством создания системы блокгаузов (укрепленных огневых точек), широкого применения бронепоездов, использования больших конных отрядов британских войск, которые сужающимися многокилометровыми кругами блокировали целые районы страны, не позволяя партизанским отрядам вырваться из этого капкана. Подобная тактика, как справедливо отмечают многие историки, легла в основу контрпартизанских действий XX в.

сильная, огромная Великобритания воюет против горстки буров (примерно 200 тыс.), вызвал чувство симпатии к этому гордому народу. Великобритания была тогда сверхдержавой, а буры объявили ей войну!

Все эти настроения отразились в произведениях, вышедших в самый разгар боевых действий. К примеру в повести «За буров! Русские добровольцы в Трансваале. Повесть из событий англо-трансваальской войны 1899–1900 г. Сочинение Бу-рофила» рассказывается о молодом офицере русской гвардии по фамилии Горский, который, разочаровавшись в жизни после измены жены и её гибели, уехал в Южную Африку, где погиб геройски в борьбе за свободу буров. Книга явно делалась в спешке по событиям войны и любопытна лишь стилистическими особенностями, присущими тогдашней «массовой литературе».

Во время англо-бурской войны в России появились переводные произведения, в частности, сочинение немецкого писателя Э. фон Барфуса «Буры. Война за свободу. Повесть из эпохи южно-африканской войны». Сюжет книги о том, как молодой отставной офицер Карл Бауман незадолго до начала англо-бурской войны эмигрировал из кайзеровской Германии в Трансвааль, где геройски потом сражался на стороне буров в чине бурского майора, а также в партизанских отрядах.

Более сложным произведением является небольшая повесть некоей Марии З. «Как я была добровольцем в Трансваале», вышедшей в Киеве в 1901 г. Повесть во многом является автобиографичной. Женщина, переодетая в мужской костюм, поехала за отправившемся на англо-бурскую войну мужем, принимала участие в боях на стороне буров и, работая врачом в английском тылу, вызволила супруга из британского плена. Кто скрывался под псевдонимом Мария З., точно не установлено. Во всяком случае, воспоминания, по крайней мере в части описания морского путешествия, боевых действий, лагерного быта добровольцев и африканеров, плачевного состояния английских госпиталей соответствуют действительности, и по-

зволяют думать, что перед нами записки женщины – непосредственной участницы той войны.

Составители данного сборника впервые попытались собрать и издать не отдельные отрывки, а серию законченных произведений, связанных с англо-бурской войной 1899–1902 гг., и надеются, что эти произведения заинтересуют как широкого читателя, так и специалистов по истории Южной Африки, а также помогут нашим современникам понять – почему до сих пор люди помнят слова популярной в начале XX в. русской песни:

«Трансвааль, Трансвааль, страна моя
Ты вся горишь в огне...»

ЗА БУРОВ!

Русские добровольцы в Трансваале

ПОВЕСТЬ ИЗ СОБЫТИЙ АНГЛО-ТРАНСВААЛЬСКОЙ ВОЙНЫ
1899–1900 гг.

Сочинение Бурофила

Бурские женщины защищают свою ферму

ГЛАВА I¹

В Средиземном море

Вечерело. Очертания итальянского берега, таявшие на севере, вдруг будто утонули, и «President Faure»², тяжело вздрагивая всем своим гигантским корпусом, теперь плыл в открытом море со скоростью 20 узлов в час, рассекая своей стальной грудью тёмно-синие, точно эмалевые, волны, на которых подрагивали отражения звёзд, рассыпанные на безлунном и таинственным своде. Холодало. На мачтах появились огни, ночная смена рулевых облеклась в кожаные куртки, дежурный лейтенант поднялся на мостик уже в пальто, на плечах дам показались манто и пледы, но гонг ещё не позвал к обеду, только беготня у «гарманжа»³ показывала приближение этого момента, отрадного для тех, кого утомило длинное морское путешествие, но назойливого для тех, кто живёт не в обществе, собравшимся «с бора по сосенке», а впечатлениями от чудной природы, подавляющей своим величием, кто воспринимает эту природу всем сердцем.

Без всякого нетерпения ожидал обеденного гонга, скорее вовсе не думая о нём, молодой человек высокого роста, задумчиво сидевший на скамье, у борта парохода на самом юте⁴, куда редко забираются пассажиры с верхнего дека⁵. Здесь так хо-

¹ Печатается в современной редакции по изданию: За буров! Русские добровольцы в Трансваале. Повесть из событий англо-трансваальской войны 1899–1900 гг. *Сочинение Бурофила*. Типолитография Т-ва Владимир Чичерин в Москве. Марьиная роща, соб.д. Дозволено цензурой. Москва, 29 апреля 1900 г.

² «Президент Фор». Фор Феликс – французский государственный деятель. В 1894–1895 гг. – морской министр. С 1895 г. и до смерти в феврале 1899 г. – президент Франции.

³ Пункт питания (*здесь и далее – пер. с франц. к.э.н., ст. научного сотрудника Института Африки РАН Притворова А.В.*)

⁴ Ют (hut) – кормовая часть верхней палубы. На юте размещаются каюты и служебные (иногда грузовые) помещения.

⁵ Дек – палуба.

рошо среди громадных кругов канатов с их смолистым запахом, когда весь пароход с его шумной космополитической жизнью позади вас, а перед вами широкий горизонт моря, синие волны которого отмечены белой пенящейся полосой, оставаемой громадным океанским пароходом.

Земля ушла. «Я в последний раз видел берег Европы, – думал молодой человек. – Через два дня мы будем в Порт-Саиде, в Африке, потом ещё 10–12 дней, может быть две недели, и я высажусь на этот чёрный материк, где найду забвение... Обманет ли меня ещё раз моё бедное, глупое сердце? Зачем я оставил родину? Ах, нет, нет! Я не должен колебаться. Жребий брошен, возврата нет!»

Он поглядел на северо-восток повлажневшими глазами, долго смотрел туда, прошептал ещё раз: «Прощай родина!» и опустил голову на сложенные на борту руки.

– *Monsiuer Gorsky? Est-ce que vous dormez! On sonne!*⁶ – раздался чей-то голос сверху, и Горский, подняв голову, увидел грациозную фигурку *mademoiselle Jeanne*, хорошенькой француженки, его спутницы от Марселя до Джибути, куда она ехала со стариком-отцом, одним из строителей железной дороги от Джибути⁷ к столице негуса⁸ Адис-Абебе. Старик дружелюбным жестом звал Горского наверх. Жанна была бесспорно мила, более чем любезна с красивым и статным русским, о цели путешествия которого пассажиры «*President Faure*» только догадывались, ибо он ни с кем не делился своими планами и затаянными думами. Горский вспомнил, какую пытку испытывал он в бесконечной и пустой болтовне уже три дня за длинными обедами, изобиловавшими замысловатыми соусами, острыми салатами и всякими тонкостями французской кухни вплоть

⁶ Господин Горский? Вы спите? Звонят!

⁷ Джибути – ныне небольшое государство на африканском побережье Красного моря, тогда – колония Французский Берег Сомали (Территория афаров и исса).

⁸ Негус (ныгус – дословно «царь») – принятый в Европе титул императора Эфиопии.

до десертов, кофе и ликёров. Слабо улыбнувшись, он отрицательно покачал головой Жанне и её отцу. Год назад – да, он «занялся» бы этой «Миньоной», этой миловидной и живой, воздушной и лёгкой, с глазами газели француженкой из Прованса, но теперь... теперь он не замечал её прелестей, а чудная улыбка этой прекрасной девушки вызывала лишь сердечную боль, какую-то судорогу сердца.

Заметив, однако, печальное выражение на хорошеньком личике девушки, огорчённой его отказами, он приподнялся и, точно школьник, попросил извинения, ссылаясь на то, что он неважно себя чувствует, что морской бриз принесёт ему больше пользы, чем шумная кают-компания.

– А сегодня на обед наш марсельский буйябез⁹, мсье Пикар обещал пропеть нам за десертом «Les Deputes»¹⁰, последнюю парижскую новинку, – со вздохом пожалела Жанна.

Горского, однако, не соблазнили ни пряный рыбный суп, которым так гордятся марсельцы, ни новая бульварная шансонетка, слушать которую в данную минуту ему казалась профанацией... Чего? Тех мучительных дум, то сладкой, то горькой тоски, которая владела им, тех то смутных, то лучезарных надежд, поддерживавших его пострадавшее сердце, того грустно-торжественного, почти религиозного настроения, которое охватило его с той минуты, когда он решил оставить родину, уехать в Трансвааль и там отдать свою искалеченную, никому не нужную жизнь великому и святому делу борьбы за свободу.

– Это лучший, это единственный исход! – воскликнул он, стараясь проникнуть взглядом в подёрнутую дымкой наступившей ночи морскую даль. И эта даль, и опрокинутая глубокая чаша небесного свода с мириадами мигающих звёзд как будто молчаливо соглашались с ним, и мысли его так же клубились, пенились и, сменяясь одна другой, убегали вдаль, как

⁹ Рыбная похлёбка.

¹⁰ Игра слов: депутаты=путаны.

эти волны, вырывающиеся из-под кормы парохода и широкой белой лентой пены, связывающие его с берегом... с землёй.

ГЛАВА II

Разбитая жизнь

«Лучший, единственный исход»... Но как пришёл к такому исходу Виктор Николаевич Горский, воплощавший беспечальный образ жизни, герой широкого кружка золотой молодёжи Москвы и Петербурга, кумир света и полусвета, владелец четырёх тысяч незаложенных десятин земли в чернозёмных губерниях, блестящий офицер, перед которым лежала не менее блестящая карьера человека, не только независимого, но европейски образованного? Он никогда, никому не расскажет того, что таится в его душе в смутных, неясных образах, что промелькнули в его жизни в каком-то густом тумане, в чаду... Да, это именно чад.

Он был в чаду, когда его приятель и товарищ по беспечальной жизни, Волков, познакомил его с «огненной женщиной», как шутя называла золотая молодёжь Марию Николаевну Нежину, эту красавицу тёмного происхождения, с тёмными глубокими глазами, горевшими каким-то всепожирающим огнём, всепоглощающей жадной любви и безумных сладких наслаждений, глазами, дурманившими Горского, заставившими его забыть всё окружающее, утопившими его в волнах какого-то забвения, погрузившими его в этот чад, продолжавшийся несколько месяцев...

Не прошло и недели со дня первой встречи, как эта прекрасная авантюристка с таинственным, но, несомненно, тёмным прошлым в глазах Горского стала «святою женщиной», которую нужно было заставить забыть страдания, дать ей полное счастье, которая была достойна боготворения, но не любви, за которую сладко было пострадать. Действительно, из вакханки и «огненной женщины», из героини романа Бэлло и богини страсти, жертвы которой приносились у Яра, в Маври-

тании, в отдельных кабинетах дорогих ресторанов Москвы и Петербурга и в её собственных будуарах, Марья Николаевна, сразу поняв натуру Горского, превратилась в кающуюся, ещё более прелестную и соблазнительную, чем она была, грешницу... Как в чаду вспоминает Горский те безумные сцены любви с этой «раскаявшейся», «святой» женщиной, которая, разорив дюжины две богатых молодых людей в Париже и в двух российских столицах и ничего не скопив «на чёрный день» в 30 лет почувствовала, что пора положить конец жизненным бурям и «пристроиться».

Это было нетрудно, ибо Горский не трезвел ни на минуту, опьянённый её чарами и ласками. В чаду он увёз её из Москвы в свою пензенскую деревню, в чаду повенчался с ней в старинной церкви почти без свидетелей, в чаду провёл всё лето, без сожаления оставив свой полк, хотя не получил разрешения на брак с авантюристкой, к раскаянию и превращению которой в праведницу все кроме него отнеслись скептически. Чад этот ещё более сгустился, когда в конце сентября Марья Николаевна, которой до безумия надоела деревенская тишина, не находя другого предлога для возвращения в столицу, объявила Виктору, что «кажется она будет матерью» и ей необходимы свидания с докторами-специалистами.

Да, чад сгущался, и Горский совсем перестал думать о себе, перестал жить своей жизнью, отдав её мечтам и заботам о будущей матери своего ребенка, которая так же была далека от материнства, как Горский от действительности. Состоялся переезд в Петербург. Недели две промелькнули в устройстве гнёздышка, чем Горский искренно увлекался. Марья Николаевна же улыбалась за его спиной, когда он обдумывал расположение детской и её отделку. Затем жена Горского, отказавшись принять рекомендованных мужем врачей, сама посетила какого-то малоизвестного «специалиста», после чего стала задумчива, чем чуть ни свела с ума мужа и наконец объявила ему, что по настоянию доктора она должна закрыть для Виктора двери своей спальни.

Горский согласился с этим решением и, как ему казалось, ещё больше полюбил красавицу-жену, которой он своей приторной любовью надоел так же, как пензенская деревня, и которая уже обдумывала, как правдоподобнее месяца через три-четыре устроить «fausser-coucher»¹¹, как надуть этого безумно влюблённого в неё человека и продлить таким образом свою свободу ещё на несколько месяцев. Свободой же этой она широко пользовалась. «Болезнь» не мешала ей возобновить, насколько это возможно было в её новом положении, свою прежнюю жизнь: она бывала в театрах и ресторанах, принимала у себя друзей Горского, а так как двери света закрылись перед ним после его свадьбы с этой авантюристкой, то он не мог запретить ей возобновить тесное знакомство со своими «приятельницами»... «Святость» Марьи Николаевны как-то сама собой потускнела – для всех она стала теперь ловко пристроившейся кокеткой, не больше, и только Виктор Николаевич продолжал жить с ней под одной крышей, боготворить её, дышать ею, играя глупейшую роль «запретного» мужа. «Болезнь» жена скоро стала пропадать целыми вечерами, если не ночами, засиживаясь у «подруг» после театров, навещая и нередко оставаясь ночевать у «больной» подруги француженки в Ораниенбауме, откуда Горский в 10–11 часов вечера получал лаконические депеши: «Милый, задерживаюсь, ночую, целую. Маня». Вздохнув, он в одиночестве укладывался спать.

Установилась какая-то дикая, неестественная, безумная жизнь. Мысли об этом изредка закрадывались в голову Горского, но это были редкие проблески в минуты одиночества. Стоило лишь вернуться Марии Николаевне, стоило ей лишь улыбнуться своей чарующей улыбкой, приласкать «бедненького», посетовать на «болезнь», как чад вновь обволакивал Горского, овладевал его сердцем, затуманивал мозг.

Такая жизнь не могла долго продолжаться. Марья Николаевна сама сознавала, что живёт на вулкане, что каждую мину-

¹¹ Фальшивое ложе.

ту муж может очнуться, «прийти в себя», как она сама говорила, но именно этот страх близкой опасности толкал её вперёд, торопил пользоваться последними минутами свободы. «Ты закусила удила», – говорил ей друг Горского, Волков, прежний любовник Нежиной, страсть которой к красавцу-кавалеристу вспыхнула с новой силой, страсть, тлевшая в течение всей этой комедии с Горским, разыгранной так искусно в Москве и в деревне, но продолжать которую у неё уже не хватило сил.

Как и мужа, она и Волкова погрузила в чад. Первые дни он мучился обманом друга своего детства, но потом и сам «закусил удила», махнул рукой, цинично повторяя лишь «*apres vous*»¹².

Однако потоп захватил их самих.

В первых числах октября, возвращаясь в дождливую ночь с Волковым из загородного ресторана, Марья Николаевна жестоко простудилась, но, слишком живая и страстная, она не подумала обратиться к врачу, отдохнуть несколько дней, побыть дома. На другой день она обедала с Волковым где-то за городом, а на третий день они решили провести ночь «у больной подружки» в Ораниенбауме, где у Волкова была маленькая квартирка для подобных случаев.

В Ораниенбаум она поехала совершенно больная, в страшном жару, почти в бреду, когда Горского не было дома, сказав прислуге, что не будет обедать дома. Вернувшийся Горский пообедал в одиночестве, провёл весь вечер с книгой, но не получив до 11 часов вечера депеши от жены, стал беспокоиться. Беспокойство перешло в тревогу, с каждым часом всё больше охватывавшую Виктора Николаевича, и разрешилось кризисом: почувствовавший несчастье Горский зарыдал, как ребенок. В бессилии он засыпал тяжёлым сном, внезапно просыпался как ужаленный, взглядывался в кровать жены, в спальне которой провёл всю ночь, и вновь рыдал, упав на колени, зарывшись лицом в постель. Было уже утро, когда Горский ус-

¹² После нас (хоть потоп).

лышал в спальне чьи-то шаги, вскочил как бы под действием электрического тока, с криком безумной радости и... замер. Перед ним стоял бледный, с опущенной головой Волков. Ужасную сцену объяснения Горский не помнил – это был последний момент того состояния в чаду, в котором он жил пять месяцев, он лишь понял, что его жена – любовница Волкова и в данную минуту умирает в его квартире. Он лишился сознания, чтобы прийти в себя через час не просветлённым и трезвым человеком, а полубезумным. Через четыре дня он, внешне апатичный, спокойный, без единой слезинки в глазах и кровинки в лице, похоронил Марию Николаевну на Волковом кладбище. Немногие её провожавшие разошлись, и у свежей могилы остались лишь Горский и Волков, с минуты памятного объяснения не сказавшие друг другу ни слова. Горский первый подошёл к нему. Волков вздрогнул и вытянулся.

– Мы не враги с тобой, Павел, – спокойно и решительно начал Горский, – но кто-нибудь из нас должен умереть... Согласен ли ты со мною?

– Да, – твёрдо ответил Волков.

– Ты... ты дважды меня обманул. Я не виню тебя, ты был в таком же чаду, как и я, но мы совместным существованием своим будем терзать друг друга. Мы можем разъехаться, но это не поможет. Драться? Я не хочу. Бросим жребий – кому умереть...

Волков ничего не ответил. Решительным движением он вынул кошелёк и достал оттуда серебряный рубль. Подняв руку, он искривлёнными губами произнёс:

– Если орёл – я стреляюсь. Монета взлетела и бесшумно упала на рыхлую землю свежесыпанной могилы. Волков нагнулся...

– Орёл, – произнёс он и, дрогнув, протянул руку Горскому и прошептал: «Прощай».

К вечеру в Петербурге уже распространился слух о самоубийстве красавца-кавалериста, в отчаянии из-за смерти любимой женщины наложившего на себя руки.

Что пережил Горский в эти три дня до похорон Волкова, он никогда никому не рассказывал, да и не мог бы передать того совершившегося в нём перехода из чада и безумия к отрезвлению и просветлению, который вызвала в нём смерть Волкова, но отнюдь не жены его. Он ясно сознавал лишь одно: в безумии своём совершил величайшее преступление – заставил Волкова лишиться себя жизни, тем самым убив такого же безумца, каким был сам, убив такую же жертву женщины, какою был сам. Он сознавал, что должен искупить своё преступление, искупить своей жизнью, своей кровью, и его рука несколько раз протягивалась к револьверу, когда вдруг его осенила мысль: «Зачем самому убивать себя? Не лучше ли отдать эту жизнь великой борьбе за правое дело, за свободу мужественного и благородного, но малочисленного народа?» Искалеченная, никому не нужная, бесполезная жизнь его принесёт пользу и, даже если он не будет убит, кровь его, его лишения, труды, его воинская страда искупят тяжкое преступление. Это его судьба – он должен ехать в Трансвааль, где сможет отдать свою жизнь и кровь, может быть полезным своими знаниями и, если не боевой опытностью, то примером хладнокровия перед лицом смерти. Горский не раз ходил один на один на медведя, был прекрасным стрелком и неутомимым наездником.

ГЛАВА III

Организация отряда

От слова к делу был один шаг.

Через два дня в руках Горского был заграничный паспорт, а вызванный телеграммой управляющий представил ему свыше 30 тысяч рублей из дохода от урожая этого года и получил доверенность на управление имениями. Для плана, созревшего в голове Горского, этих денег было мало, на текущем же счету у него оставалось не более 5 тысяч, но благодаря операции, совершённой управляющим, к 15 октября, дню его отъезда из

Петербурга, у Горского образовалась сумма в 60 тысяч рублей, которую он и перевёл в Париж.

Утром 16 октября, в последний раз отстояв панихиду на могиле Волкова, простившись с управляющим, Виктор Николаевич экспрессом выехал из Петербурга в Париж.

Прибыв в Париж и переодевшись, он немедленно отправился в Cercle militaire¹³, зная, что найдёт там своего старого приятеля, полковника резервной армии дю-Фонтэйна, старого воюка, с 1870 года находившегося в резерве после Тонкинского похода, где он был продырявлен, как решето. Три года назад на plage¹⁴ в Аркашоне дю-Фонтэйн познакомился с Горским и отчески полюбил молодого русского офицера, открытый вид, чистосердечие, великодушие и мужество которого радовали сердце старого воина.

– Votre affaire est fait¹⁵, – воскликнул старик, выслушав Горского. – Я знаю нужных вам молодцов и думаю, что все они отправятся с вами. Вот вам адрес вербовщика наших офицеров, уезжающих в Африку; отправляйтесь, там вы найдёте всё необходимое. Я напишу несколько писем, вечером я вам представлю ваших молодцов. Теперь до свидания, дело прежде всего. Подробно побеседуем за обедом.

В торговом доме «Пакэ и К°» поставщиков колониальной армии Виктор Николаевич провёл добрых три часа, выбирая палатки, походные принадлежности, бинокли, одежду, обувь и пр. Всё это было приспособлено к тропическому климату. Приказав всё выбранное прислать в «Hotel Continental», он предупредил, что, вероятно, завтра в магазин явятся человек 12–15 молодцов, которых нужно экипировать для далёкого похода, доставив счёт в ту же гостиницу.

– Вы отправляетесь в экспедицию? – спросил его управляющий. Не в Трансвааль ли?

¹³ Офицерское собрание.

¹⁴ Пляж.

¹⁵ Дело сделано.

– Да, – лаконически отвечал Горский.

– Я спрашиваю это, *monsieur*, потому что наша фирма решила делать скидку отправляющимся сражаться за буров в размере 20%.

Горский не стал спорить по поводу такой любезности.

– А много отправилось туда? – спросил он.

– Мы одели человек 200 уже...

Вечером Горский встретился с дю-Фонтэйном, который за обедом, видя сосредоточенность своего молодого друга, так мало похожую на его заразительную веселость в Аркашоне в 1897 году. Он не развлекал гостя шутками, но, вспоминая франко-прусскую войну, свои два африканских и Тонкинский походы, незаметно давал очень полезные советы Горскому, который не был знаком ни с климатом тропических стран, ни с тактикой степной и горной войны.

– Впрочем, – заключил старый полковник, – у вас будут такие знатоки этого дела, такой бравый и опытный народ, что вы не останетесь впотьмах первое время, а затем... затем, если шальная английская пуля не поторопится сразить вас, вы приобретёте опыт, все задатки же для этого у вас налицо.

Они расстались поздно. Дю-Фонтэйн звал Горского в Паризиано посмотреть «дивету»¹⁶ Мэли в спектакле «*Madame Mephisto*»¹⁷, но не настаивал, поняв по выражению его лица, что ему не до «дивет». Старик понял ещё утром, что Горского постигло какое-то горе, но не расспрашивал его, боясь растревожить свежую рану участием, которое нередко выглядело простым неуместным любопытством. Дю-Фонтэйн сам немало испытал горя в своей жизни и умел уважать чужое.

На другой день ровно в 12 часов дю-Фонтэйн опять был у Горского.

– Сделал, что мог... Почти все налицо. Ла Бредуйль и Пьер Легран отправились к праотцам, Мюэт уехал с Вильбуа де Ма-

¹⁶ Маленькая ведьма.

¹⁷ Мадам Мефисто.

рейлем¹⁸ и от него уже есть письмо из Претории, двух моих африканцев не могли найти, но 13 молодцов, с которыми я

¹⁸ Вильбоа (Вильбуа) де Марейль (де Марей) Георг-Арни-Эми-Мари-Виктор (1847–1900) (De Villebois-Mareuille George Henry Annee-Marie Victor) – француз, из аристократической семьи (граф в двенадцатом колене), полковник в отставке. По военной специальности – морской пехотинец. Окончил училище в Сен-Сире. Служил в Кохинхине (Вьетнам), Алжире. Ветеран франко-прусской войны 1870–1871 гг., во время которой был ранен. Участвовал в кампании в Тунисе в 1881 г., командовал Иностраннным легионом. В 1895 г. ушёл в отставку (возможно, из-за смерти молодой жены).

В 1896–1899 гг. написал воспоминания и несколько книг, а также занимался чтением лекций, разоблачающих продажных французских политиков которые, по его мнению, вели Францию и её вооружённые силы к катастрофе. После начала англо-бурской войны 25 ноября 1899 г. прибыл в Преторию, и был назначен военным советником главнокомандующего генерала Жубера. Присутствовал при сражении у Колензо 15 декабря. Предложил Жуберу план атаки Ледисмита. Затем присутствовал при неудачном штурме бурами Мафекинга. Недовольный бездействием Жубера он отправился к генералу Кронье. Однако его план захвата Кимберлея отрядом французских добровольцев хотя и был одобрен, но так и не приведён в исполнение. Во время наступления англичан он вместе со своим Французским корпусом избежал окружения. Участвовал в сражении при Абрамскраале 10 марта 1900 г. Был назначен фехт-генералом (боевым генералом) и командиром Иностранного легиона (сборного отряда иностранных добровольцев). 4 марта 1900 г. с частью Иностранного легиона – менее 100 человек – в основном, французов, голландцев и частично буров (75 добровольцев и 11 буров) отправился в тыл англичанам с целью провести диверсию на железной дороге близ Кимберлея, но (возможно из-за плохих проводников) 5 апреля был окружён возле Бошофа превосходящими силами англичан (750 бойцов при четырёх полевых орудиях) под руководством лорда Метьюна и вместо отступления занял два холма. После четырёхчасового боя его отряд сдался, потеряв убитыми 7 человек (по другим сведениям – 8 человек), включая своего командира, атаковавшего британцев с целью прорыва при приближавшей тропической грозе и 11 ранеными. Англичане потеряли в этом бою 3 бойцов убитыми и 10 ранеными.

Граф Вильбуа де Марейль был похоронен с воинскими почестями. В 1971 г. его останки были перезахоронены в Маггерсфонтейне в присутствии его внуков. Множество памятников графу Вильбуа де Марейлю были установлены в различных французских городах. На родине его заслуженно чтят, как храброго героя. Полевые дневники графа Вильбуа де Марейля об англо-бурской войне были опубликованы на многих европейских языках и являются ценным источником сведений о тех событиях.

знаком по Рейсгофену, Гравелоту, Алжиру и Тонкину и... по другим обстоятельствам, собрались и готовы принять ваше предложение.

– Они здесь? Надо попросить их войти!

– Подождите. Два слова. Многие из них семейные и вам придётся выдать им часть жалованья за полгода, что ли, вперёд, но... тут есть один, старый кирасир Мишель... его прозвали ла Бутейль¹⁹, ну, так понимаете, ему на руки давать нельзя. Пропьёт. Однако я вам рекомендую его не менее других. В бою незаменим. При Рейсгофене меня спас. Деньги оставьте мне. Я передам его старухе – она нуждается. Теперь позову.

Полковник позвонил и приказал слуге просить господ, собравшихся в вестибюле. Через две минуты гостиная Горского наполнилась обществом, по меньшей мере очень странным, в которое не пожелала бы попасть впечатлительная дама.

Сморкаясь и покашливая, в комнату на цыпочках вошли 13 рослых мужчин, большинство в чёрных парах, видевших лучшие времена, меньшинство – в рабочих куртках с цветными шарфами вокруг шеи и мятыми каскетками²⁰ в руках. На первый взгляд, компания эта производила неприятное впечатление: у трёх человек лица были обезображены шрамами, два три носа красноречиво говорили о пристрастии их обладателей к абсенту²¹, у одного не было уха, у другого – руки и рукав его был припилен к рединготу²². Однако, у всех, без исключения, на груди красовались столь чтимые во Франции маленькие «военные медали» с красным эмалевыми крестиками на лицевой стороне, а у четырёх человек – и кресты «Почётного Легиона».

¹⁹ Бутылка.

²⁰ Каскетка – род лёгкой фуражки.

²¹ Абсент («зелёное волшебство», «полынная водка») – крепкий ликёр зелёного цвета.

²² Редингот – длинный сюртук особого покроя для верховой езды.

Виктор Николаевич молча кланялся в ответ на приветствия входящих, жестом руки предлагая садиться; эти подозрительные на вид господу внушали ему глубокое и полное доверие.

Дю-Фонтэйн поднялся и произнёс маленькую речь, в которой, назвав Горского капитаном русской гвардии, идущим сражаться за правое дело, которому сочувствует вся Франция, выразил надежду, что рекомендованные им, дю-Фонтэйном, сержанты, вахмистры, капралы и стрелки оправдают его рекомендацию и реноме французского солдата, сражаясь рядом с капитаном Горским за свободу горсти мужественных республиканцев, среди которых не мало потомков благородной французской нации – гугенотов.

– Vive les Boers! – прогремел один голос. – Vive le capitaine! Vive la France! Vive la Republique! – прозвучало в ответ.

– Сержант Пьер Леру, – начал дю-Фонтэйн знакомить Горского с каждым из приглашённых, показав на среднего роста, широкоплечего, со шрамом на щеке и орденом «Почётного Легиона» в петлице молодца лет сорока пяти, сравнительно прилично одетого, – был со мною в двух африканских походах и в Тонкинском, где под Лангсоном его и окрестили выстрелом в щеку. Морской пехоты застрельщик, хороший ходок, охотник.

– Жак ла Боссю, – продолжал полковник, указывая на геркулеса лет под шестьдесят, – зуав²³, был вольным стрелком в Вогезах в 1870 году. На его совести дюжины две прусских уланов. Затем служил в Африке. Головорез и отличный кашевар. Из ничего делает кое-что, из кое-чего – всё.

– Сержант Андре Буржи, по прозвинию Мэтр Брадефер, – артиллерист, во время осады Парижа спас жизнь генерала Трошю, теперь управляет фабрикой. Молодцы, вероятно, его берут старшим.

²³ Зуавы – части лёгкой пехоты во французских колониальных войсках XIX–XX вв., формировавшихся в Северной Африке из французов-добровольцев и местных жителей.

– Конечно! Конечно! Vive Maitre Bras-de-Fer! – раздались голоса.

Здесь были также Эмиль Арди, кирасир, один из немногих переживших знаменитую атаку при Рейхсгофене; вахмистр Жан, гасконец, той же кирасирской дивизии; Луи ле Гару, капрал 128 линейного полка; Мишель ла Бутейль, кирасир, о страсти которого к абсенту говорил дю-Фонтэйн; Люсьен Шуэт, знаменщик 7 морского полка, потерявший руку в Тонкинском походе; мрачный великан по прозванию Пэр Лашез и Поль Бурдон – африканские стрелки; Жак Гровант и Жорж Лажуайез, капралы морской пехоты, наконец, Жозеф ле Пти, седой и добродушный человек, кавалер ордена «Почётного Легиона», совершивший чудеса храбрости в Тонкине, куда пошёл после франко-прусской войны, во время которой оставался под знаменем 77 линейного полка.

Горский каждому жал руку и выслушивал наивное, но искреннее приветствие «шефу» и «храброму русскому», приглашение которого – «большая честь для старого солдата». Затем он сообщил им те условия, которые мог предложить: 200 франков в месяц каждому, кроме тех, которые сейчас зарабатывают больше, им полагалось столько же. Семейные получают половину шестимесячного жалованья вперёд. Обмундирование и снаряжение за счёт Горского. Оказалось, что только Пьер Леру и Брадефер зарабатывали свыше 200 франков; один 240, другой 300, прочие же нашли жалованье прекрасным, особенно после того как Горский объявил, что в случае смерти семья каждого из них получит по 10 тысяч франков.

Горский переговорил с Брадефером, который затем назначил всем быть в 3 часа дня у «Пакэ и К°», а затем, на другой день, все они должны прибыть на Лионский вокзал к поезду, отходящему в 9 часов 03 минуты вечера. Горский выдал каждому семейному по чеку, равнявшемуся половине шестимесячного жалованья, а чек ла Бутейля передал дю-Фонтэйну. Ла Бутейль с удивлением взглянул на Горского, перевёл глаза на дю-Фонтэйна, понял и улыбнулся, прошептав сквозь зубы: «All right!»

– Кстати, – заметил дю-Фонтэйн, – он вам будет полезен и тем, что прекрасно говорит по-английски. Он несколько лет служил швейцаром нашего посольства в Лондоне. Да! А вы, Лажуайез, ведь вы, кажется, в качестве коммивояжера не раз бывали в Голландии?

– Я там два года жил и болтаю по-ихнему недурно, – отвечал молодец в костюме рабочего, отличавшийся весёлым, открытым, но бледным и испытанным лицом.

– Прекрасный малый, и был на отличной дороге, пока не заразился страстью к картам. Впрочем, там играть не будет, – добавил дю-Фонтэйн.

На другой день к поезду, идущему в Марсель, собралась вся «компанья» Горского, но не 13, а 15 человек, так как накануне вечером Брадефера разыскали два запоздавших африканских стрелка – Пьер Лонгвю и Морис Лантерно, которых Брадефер даже успел одеть.

Горский трогательно простился с дю-Фонтэйном, который горько жаловался на свои 62 года и подагру, не позволявших ему отправиться с ними. Полковник пожал всем руки, махнул шляпой и крикнул: «Vive la Republique! Vive la Russie! Vive les Boers!» Поезд тронулся.

На другой день утром наши путники были в Марселе. День они провели, фланируя по великолепной Cannebiere и делая последние закупки, а к 5 часам вечера были на борту нового океанского парохода общества «Messageries Maritimes», причём ла Бутейля товарищи доставили на руках в виде трупа.

– Pas grande chose! C'est pour la derniere fois²⁴ – говорили «компаньоны», пронося его мимо Горского.

В 6 часов вечера загудела сирена, подняли якорь, и «President Faure», рассекая стальной грудью чёрные волны, оставил за собою точно иллюминированный вечерними огнями, раскинувшийся амфитеатром Марсель.

²⁴ Пустяки! Это в последний раз!

ГЛАВА IV

В дороге

«President Faure» пять дней уже был в пути и на заре шестого должен был бросить якорь в Порт-Саиде. Горский менее тосковал последние два дня, но не благодаря вниманию и прелестям mademoiselle Jeanne, которую, очевидно, оскорбляла холодность молодого русского, а благодаря тому, что нашёл громадный интерес в беседах со своими будущими соратниками. По очереди он призывал на облюбованное им местечко на юте парохода то Пьера Леру, то Брадефера, то Лажуайеза или кого-либо другого, беседовал с каждым по часу, по два, основательно знакомился с каждым из них, узнавал их семейное положение, симпатии и антипатии, способности, вкусы, характер. Он назначил, точнее, утвердил общий выбор: Брадефер стал фельдфебелем, Пьер Леру – казначеем и каптенармусом, Жак ла Боссю – кашеваром, Лажуайез – переводчиком с голландского языка для себя (Горский прекрасно знал английский, французский и немецкий языки), Мишеля ла Бутейля – переводчиком с английского для команды, а Поля Бурдона, игравшего роль горниста, насвистывая учил французским сигналам.

Прервав беседы с солдатами-французами, Горский располагался на верхней палубе, в rocking chair²⁵, и поглощал томик за томиком все книги, содержащие описания Трансвааля, которые он нашёл в Париже на английском и французском языках. Тем самым он предварительно познакомился с краем, свободу которого он ехал защищать. В числе пассажиров было не более трёх-четырёх англичан, типичных бриттов, которые мало беспокоили Горского, но он не мог не видеть, что один из них весьма подозрительно следил за его беседами на нижней палубе с пассажирами в полувоенных костюмах и широкополых фетровых шляпах, которые надели все «компаньоны» Горско-

²⁵ Кресло-качалка.

го по совету дю-Фонтэйна вместо пробковых касок английского изобретения.

На четвёртый день пути Горский спустился на нижнюю палубу, чтобы послушать, как Лажуайез в кругу своих товарищей звонким тенором запевал «Le Clairon», знаменитую воинственно-националистическую песенку Деруледи, которую весельчак перефразировал по-своему:

L'air est pur,
La route est large,
Le clairon sonne la charge
Et les Boers vont chantant,
Et la haut sur la colline
Dans une ferme qui domine,
Les Anglais les attendent²⁶.

«Tra-ta-ta, tra-ta-ta» – подпевали Лажуайезу его товарищи. Горский и сам воодушевился, глаза его выражали страстную энергию – в нём пробуждался солдат, способный понимать и увлечься эстетикой военного дела. Горский уже забывал, что толкнуло его оставить родину, а помнил лишь цель, ради которой он плыл в Южную Африку. Ему казалось, что он уже слышит ружейную трескотню, что он пьянеет от запаха пороха...

Он судорожно сжал правую руку в кулак и невольно взглянул наверх, где у перил стояли два англичанина, и отчётливо услышал из уст одного из них по своему адресу: «Evidently, his is the chief of those banditties»²⁷.

²⁶ Воздух чист.

Дорога широка,
Горнист трубит атаку
И буры идут, распевая.
А на высоте, на холме,
В ферме, которая стоит на холме,
Англичане их ждут.

²⁷ Очевидно, главарь этих бандитов.

Донесённая ветром фраза эта отрезвила Горского. Поднимаясь наверх, он решительно передернул плечами и, поравнявшись с англичанином, приподняв шляпу, сказал:

– No, sir, they are not banditties, but a handfull of Frenchmen wanting to defend peaceful farmers against an army of banditties...²⁸

Лицо англичанина под белой каской побагровело, он взглядом смерил с ног до головы Горского, но, убедившись, что тот сумеет постоять за себя, не хуже истого бритта, молча ретировался.

«Первая победа», усмехнувшись, подумал Горский, «так ли дёшево будут доставаться прочие?»

В Порт-Саиде на «President Faure» подсади больше двух десятков англичан, доставленных сюда из Бриндизи пароходом, направляющимся в Индию, и два русских, прибывших в Порт-Саид из Одессы на одном из пароходов Добровольного флота. Отставной штабс-капитан З., бывший туркестанский стрелок, ехал в бурскую армию, уже начавшую операции в Натале, вслед за товарищем своим, от которого он получил в Порт-Саиде телеграмму из Лоренсу-Маркиша²⁹. Другой, московский купеческий сын К., искренний и простодушный малый, почувствовавший «воинственный вопль» в груди, ехал «бить англичан», для чего, по его мнению, имел все задатки, пройдя «курс стрельбы» в тире театра «Омон» и значительный цикл полицейских дел в качестве мирового судьи. З. утверждал, что из него будет толк, и Горский не спорил, а скорее завидовал непосредственности жителя Замоскворечья, его энергии и вере в себя, человека, который, никем и ничем не гонимый, жизнерадостный и состоятельный, ехал поистине во имя идеи.

На пароходе благодаря прибытию новых пассажиров, стало шумнее и беспокойнее, и уже на другой день после выхода из

²⁸ Нет, сэръ, это не бандиты, а горсть французов, едущих защищать мирных фермеров от армии разбойников.

²⁹ Ныне столица Мозамбика, Мапуту.

Суэца на нижней палубе состоялась крупная драка между ла Бутейлем и рослым англичанином, каким-то клерком из Бейры. Когда капитан парохода приказал связать обоих, у ла Бутейля был подбит глаз, а у англичанина не хватало пяти зубов.

На нижней палубе образовалось два лагеря: компания Горского, которой сочувствовало несколько португальцев и французов, ехавших в Бейру и Джибути, и десятка три немцев, державшихся в стороне, но, очевидно, ехавших добровольцами к бурам вместе с небольшой компанией итальянцев и бельгийцев. Во всяком случае, на этом французском пароходе англичане были в меньшинстве, отчего, быть может, и держались задорнее, всё время «набираясь таланту» и распевая фальшивыми голосами «The Queen forever», «Rule Britannia»³⁰ и прочие британские мелодии.

Yankee Doodle came to town
Riding on a pony,
Stuck a feather in his cap
And said t'was macaroni³¹, –

доносилось с одного конца палубы в вечернем, слегка охладившем воздухе Красного моря, а на другой стороне разливалась песня французов:

Le clairon est un vieux brave,
Et lorsque la lutte est grave
C'est un rude compagnon...³²

³⁰ «Королева навсегда», «Правь Британия».

³¹ Янки Дудль въехал в город

Верхом на пони,

Засунув перо в кепи

И сказав, что это – макаронина.

³² Рожок – смелый компаньон,

А когда битва тяжела

Он – грубый товарищ...

Припев французов «Tra-ta-ta, tra-ta-ta», сопровождал британский клик: «Hip-hip! Hurrah!»

Промелькнула Джибути, французская колония, где высадилось несколько французов, в том числе и хорошенькая *mademoiselle Jeanne* с отцом, в последний раз, почти со слезами на глазах, взглянувшая на Горского, которому стало не по себе от этого мимолетного, но, несомненно, искреннего чувства девушки, которому он не мог ответить.

Потянулись долгие жаркие дни, однообразно-разнообразные виды моря, первые и вторые завтраки, обеды, прогулки посвежевшими вечерами по верхнему деку и холодные безлунные ночи.

На двенадцатый день после Суэца показалась Бейра, португальская *de jure* и английская *de facto* колония, где высадилось большинство англичан, а 14 ноября по новому стилю жарким полднем «President Faure» входил в глубокую и длинную бухту Делагоа, где и бросил якорь перед небольшим городком Лоренсу-Маркишом, ещё недавно мёртвой факторией ленивых португальцев, а теперь кишевшим жизнью важным морским городом, перед которым на рейде красовалось несколько судов разных стран.

Дю-Фонтэйн, провозжая Горского, дал ему письмо к своему другу, богатому марсельскому негоцианту, который, в свою очередь, снабдил Горского письмом к своему приятелю, французскому консулу в Лоренсу-Маркише. К нему и направился Горский, переодевшись в плохонькой гостинице.

– Как вы вовремя приехали, – сказал Горскому радушно принявший его молодой и энергичный мужчина с красной розеткой в петлице, – через неделю, может быть завтра даже, с вами было бы немало хлопот. Ходят упорные слухи о скорой блокаде английским флотом нашей бухты, а португальские власти здесь так слабы и так боятся англичан, что их ничего не стоит заставить не пропускать в Трансвааль добровольцев.

Вечером группа «вольных стрелков», как окрестил их консул, отправилась по узкоколейной железной дороге «Zuid Afrikaanische Schmaalspoorige Maatschappij»³³ в Преторию.

Широко осенил себя крестным знаменем Виктор Николаевич, когда в пятом часу утра 16 ноября поезд остановился у вокзала столицы Трансвааля, Претории.

ГЛАВА V

Претория. Сборы в поход. Благословение красавицы

Несмотря на ранний час, на широких, обсаженных акациями и южными платанами улицах Претории, ведущих к Market, центральной площади, кипела жизнь, а сама площадь, на которой высится единственное грандиозное в столице здание Government Building'a, или Дома правительства, напоминала не то военный лагерь, не то гигантскую ярмарку. Горскому, занявшему после строгого таможенного осмотра вместе с «компаньонами» несколько двухколёсных кэбов для того, чтобы совершить не особенно длинный путь от вокзала, напоминающего трехклассную английскую железнодорожную станцию, до гостиницы на одной улице близ Market, казалось странным, что эта беспрестанно снующая многотысячная толпа не шумела, не кричала, не жестикулировала, как он ожидал от этого южного народа. Раздавались лишь ржание лошадей, рёв быков, впряжённых по 6, 8 и даже 10 пар в громадные фургоны, да хлопанье «жамбоков»³⁴, особенных бичей погонщиков. Извозчик-негр – Горский ещё не мог определить, был ли это бушмен, зулус или кафр, – бойко болтая по-английски и весе-

³³ Южноафриканское товарищество узкоколейных железных дорог, ширина железнодорожной колёи – 1067 (1065) мм. Владело всеми железными дорогами в бурских республиках, в том числе веткой Претория–Делагоа. Было национализировано англичанами в 1900 г. после захвата бурских республик.

³⁴ Самбок – кнут из шкуры бегемота.

ло скаля зубы, лихо подкатил к одноэтажному зданию гостиницы под вывеской «Golden Lion», в чём, впрочем, не было ничего странного, ибо гостиницы в Претории существовали лишь для иностранцев и, следовательно, для англичан. Буры, приезжавшие по делам в Преторию, являвшуюся лишь исключительно административным центром, обычно разбивали лагерь на площади, обращая свой фургон если не в комфортабельный, то в весьма вместительный дом, в чём очень скоро убедился и Горский.

Хозяйка гостиницы миврау фон Блюм, встретившая Горского на пороге и тоже очень бойко говорившая по-английски, предложила ему комнату с окнами на террасу, выходящую прямо на улицу, но высказала затруднение относительно 15 молодых Горского. Последние, однако, заявили Виктору Николаевичу, что уже чувствуют себя бурами, а так как здесь, очевидно, в обычае располагаться прямо на улице (жест в сторону площади), то и они поступят также.

Горский предоставил им право расположиться по их усмотрению и, когда через час прибыл их багаж с вокзала, он увидел, как быстро французы распаковали один тюк и разбили две палатки на другой стороне улицы, у каменного забора под густой тенью платанов. Из принесённых жёлтых кирпичей был уже сложен очаг, разведён огонь, а Жак ла Боссю раскрыл ящик с походной посудой, готовясь угостить «компаньонов» первой чашкой кофе.

Умывшись и напившись кофе, Горский, в свою очередь, надел чёрный сюртук, захватил документы и, несмотря на ранний час, направился к Дому правительства, понимая, что в такое горячее время чиновники должны работать от зари до зари.

На площади перед домом, где располагался парламент и все министерства, Горский ещё раз остановился, поражённый пестрой и живой картиной громадной центральной площади, ярко освещённой ранним, но уже палящим солнцем. С ног до головы вооружённые буры, не носящие никакой формы, но оди-

наково одетые в куртки из грубого домотканого сукна, клеенчатые рубашки, широкие кожаные панталоны, широкополые войлочные шляпы и чрезвычайно свободные сапоги грубой работы, озабоченно двигались между рядами фургонов, образовавших на площади настоящие улицы, покупая сало, фрукты, муку, бултонги³⁵ и свежую, чрезвычайно жирную баранину. Между ними не спеша переходили от фургона к фургону степенные миврау с корзинами в руках, кто в шляпах и под зонтиками, а кто и в платочках, костюмами и манерами сильно напоминая зажиточных немецких горожанок. Полный контраст бурам обоего пола являли многочисленные европейцы, которых сразу можно было отличить и по костюмам, и по лихорадочной поспешности, с которой они перебежали от группы к группе своих, жестикулируя и показывая друг другу бюллетени и телеграммы. У грандиозного подъезда парламента их особенно было много, но немало и буров входило и выходило из этого здания, в котором теперь сосредоточивались все рычаги и пружины войны, ибо Трансвааль жил и дышал исключительно войной.

Войдя в дом, Горский обратился на английском языке к одному из клерков, сидевших в вестибюле, который, узнав в чём дело, проводил его в кабинет помощника государственного секретаря Рейтца³⁶, любезно, но спокойно принявшего Горско-

³⁵ Бултонг (билтонг) (бильтонг) – сушёная или вяленая солёная говядина. Билтонг являлся (наряду с неприхотливостью конского состава) одной из главных причин быстроты передвижения бурских конных отрядов. Их было сложно догнать и окружить, поскольку подогрев сушёного мяса (зачастую нанизанного на шомпол) на костре (всем этим занимались чёрные слуги буров) и приготовление кофе во время краткого привала требовал очень мало времени, в отличие от приготовления на костре сырого или консервированного мяса использовавшегося английскими войсками. Бильтонг можно употреблять в пищу и без подогрева.

³⁶ Рейтц (Рейц) Френсис Виллиам (1844–1934) – в то время государственный секретарь правительства Трансвааля. Юрист по образованию. Президент Оранжевого Свободного Государства (1889–1895). Уйдя с поста президента по болезни и проведя несколько месяцев в Европе, он переселился в

го. Для последнего было очевидно, что Рейтц, ежедневно принимавший десятки волонтеров–европейцев, ничего исключительного в нём не видит и комплиментов ему говорить не будет, чего, кстати, боялся Виктор Николаевич. Узнав, что Горский является представителем 15 волонтеров–французов, с ним приехавших, Рейтц попросил их всех явиться к нему в 11 часов утра для принесения присяги, после чего, по соблюдении некоторых других формальностей, им будут даны верховые лошади и вооружение.

– Ружья и патроны, если их нельзя купить здесь, мы возьмём, но лошадей и всё прочее снаряжение для моих «компаньонов» я сам куплю. На свой счёт я вообще буду содержать приехавший со мною маленький отряд, не испрашивая у правительства никакой материальной помощи, – заметил Горский.

– В таком случае, вы, быть может, поставите нам какие-либо условия? Я должен вас предупредить... – начал было Рейтц, но Горский его перебил:

– Я не ставлю никаких условий и буду просить лишь об одном – указать нам, где в данную минуту более нужна помощь горсти решительных и опытных людей, и по возможности скорее отправить нас туда...

Рейтц не скрыл своего приятного изумления. Как потом убедился Горский, государственному секретарю, действительно, приходилось ежедневно принимать на службу десятки волонтеров, но мало кто из них не предъявлял к правительству тех или других требований, очень часто нетактичных, нередко

Трансвааль, где занялся адвокатской практикой и в 1898 г. был избран статс-секретарем Трансвааля. После поражения буров и отъезда Крюгера в Европу он находился в составе партизанского отряда (ставшего известным под названием «летающие команды») вместе с временным главой правительства вице-президентом Бюргером. В мае 1902 г. он в составе делегации африканеров участвовал в подписании мирного договора. В 1910 г. стал руководителем сената Южно-Африканского Союза и оставался на этом посту до 1920 г., когда покинул его из-за несогласия с политикой, проводимой правительством Смэтса. До 1929 г. был сенатором, после чего ушёл в отставку.

просто бессмысленных и нахальных, в чем, впрочем, не может быть ничего удивительного, так как наряду с людьми, явившимися сюда сражаться за идею, обязательно должны были быть и авантюристы, и глупцы, воображавшие, что делают великую честь маленькой республике, предложив свои часто сомнительные услуги.

К 11 часам утра Горский явился в приёмную Рейтца со своими «компаньонами», которые представляли прекрасную, действительно воинственную группу. Здесь было десятка два и других волонтеров, несколько немцев и итальянцев, три самостоятельно прибывших француза, пять шведов, штабс-капитан З., ехавший с Горским от Порты-Саида, москвич К. и, наконец, ещё один русский, несомненно, отставной военный, но из тех, которые «за правду пострадали». Неизменные атрибуты этих господ – красный околыш, пачка документов в руках, подозрительного цвета нос и громкий хриплый голос – были налицо.

Вышедший к волонтерам Рейтц зачитал по-французски несложный текст присяги, попросил Горского подождать несколько минут и начал обходить других волонтеров. Он скоро закончил со всеми, но с «пострадавшим за правду» его беседа затянулась. На ломаном французском, используя жесты, тот доказывал, что как благородный офицер, приехавший помогать беззащитным, он не может вступить в ряды армии буров в качестве простого волонтера и быть под командой какого-нибудь фермера, не знающего ни воинского артикула, ни тактики, ни стратегии, которые ему, бывшему офицеру, известны как свои пять пальцев. Пространный спич его был, однако, бесполезен.

– Нам нужны солдаты, а не предводители, – категорически сказал ему Рейтц, – идите, сражайтесь вместе со всеми, и, раз вы человек опытный и знающий, вас сами буры вскоре выберут шефом.

Отставной офицер протестовал, но Рейтц перешёл к Горскому.

– Я очень жалею, что не могу вас представить сейчас президенту, он выехал на встречу с генералом Жубером в Дунди.

Думаю, что вам лучше всего было бы направиться в армию генерала Кронье, которая концентрируется теперь на реке Моддер у Якобсдаля, и где, по последним сведениям, ожидается сильный отряд англичан, идущих от Де Аара на выручку осаждённого Кимберлея. Вот ассигновка, по которой вы получите 16 Маузеров и по двести патронов на ружьё, вот свидетельство на проезд вашей ком... ваших товарищей по железной дороге до Блумфонтейна и вот, наконец, моё письмо, которое вы представите генералу Кронье. Он вам даст назначение по своему усмотрению. Завтра в полдень отправляется воинский поезд на Блумфонтейн с нильстромским отрядом; я буду сейчас говорить с его командиром майором фан Блумом, и он устроит вам этот переезд вместе с ним. Он же даст вам совет, как двигаться дальше. Пока прощайте. Да пребудет с вами и товарищами вашими Всевышний!

С облегчённым сердцем вышел Горский из Government Building'a: и он, и его «компаньоны» чувствовали себя теперь как бы в рядах защитников республики и два часа спустя гордо выходили из арсенала с патронными перевязями через плечо и новенькими винтовками Маузера, им совершенно неизвестными, но с добрыми сторонами которых они скоро ознакомились... Покупка лошадей, сильно напомнивших Горскому казачьи и киргизские одновременно³⁷, заняла почти весь день. Нужно было к тому же приобрести сёдла, уздечки, троки, пуги, перемётные сумы, сетки и мешки для фуража и пр., и пр., и только поздно вечером Горский и его «компаньоны», уставшие и возбуждённые, улеглись на отдых.

На другой день в 7 часов утра они уже грузили лошадей на платформы с высокими бортами и стойлами, по восемь лошадей и восемь человек на каждой платформе.

Вдоль скромных строений вокзала Претории вытянулся поезд из 40 платформ с одним багажным вагоном и одним классным, где заняли места почтенный старик фан Блум, командир нильст-

³⁷ Басуто-пони.

ромского отряда, два почтенных фельдкорнета, молодой доктор-француз, секретарь «команды», точнее отрядный интендант, чиновник-курьер с депешами от Рейтца к президенту Стейну в Блумфонтейн и любезно приглашённый фан Блумом Горский.

К 10 часам утра к вокзалу прибыли музыканты, которые играли всё время марши и национальный гимн. Тысячи людей, собравшиеся провожать отъезжающих, махали шляпами и платками. К полудню всё было готово. Раздался свисток локомотива, музыка смолкла, обнажились головы провожающих. Группы молодых девушек переходили с сосредоточенным видом от платформы к платформе, кланялись отъезжающим и раздавали им цветы. Трогательная церемония эта совершалась торжественно, без шуток, без улыбок, «точно цветы эти священником в церкви раздаются», подумал Горский. Девушки подошли к офицерскому вагону и последняя из них, стройная красавица-брюнетка с матовым цветом лица и огненными глазами, протянула Горскому пышную свежую розу, на которой блестела ещё роса. Горский низко поклонился ей и ему казалось, что она особенно пытливо оглядела его.

Стройно и торжественно толпа запела какой-то гимн или псалом. К горлу Горского что-то подступило и какое-то хорошее, высокое, торжественное чувство овладело им. Он оглядел толпу и встретил светлый, как бы вдохновенный взгляд девушки, подарившей ему розу. Поезд ускорил ход, прошёл между двумя фортами, перешёл красивый мост и быстро помчался к югу, унося Горского, в сердце которого навсегда запечатлелся чудный образ красавицы и её взгляд, ясный, полный веры и любви к ближнему.

ГЛАВА VI

От Претории до позиций на реке Моддер

Утопающая в садах Претория давно скрылась из вида. Поезд, хотя и воинский, мчался со скоростью экспресса по до-

вольно безотрадной местности, расположенной между Преторией и Йоханнесбургом, этом Эльдorado Южной Африки. Witwatersrand³⁸, территория золотых приисков, начиналась сразу за станцией Зурфонтейн. Горский залюбовался красивым видом серии маленьких городков, почти сливающихся, связанных между собой фабричными зданиями и строениями приисков. Правее группы этих городков выделялись высокие здания богатого Йоханнесбурга.

– Красивый город! – заметил доктор-француз, подсев к Горскому. – И очень типичный. Более космополитический город вы вряд ли где найдёте на земном шаре, а пропорционально населению вряд ли найдёте и более богатый город. При 50 тысячах жителей стоимость недвижимого имущества превышает 200 миллионов франков, недвижимость же всего Витватерсранда, владельцы копей которого живут в Йоханнесбурге, оценивается в 1,5 миллиарда франков.

– Сколько же может стоить золото Витватерсранда?

– Здесь есть знаток этого дела, некий Hamilton Smith, по его вычислениям, Ранд содержит золота более чем на 5 миллиардов франков.

Богатства Витватерсранда и других областей Трансвааля мало интересовали Горского, и он, пользуясь любезностью француза, хотел расспросить его о других, более интересующих его предметах, но monsieur Lecombe в очень немногом мог удовлетворить его любопытство. Доктор Лекомб только год как приехал из Франции, всё время практиковал на копиях Эльсбурга, которые находились в трёх верстах к востоку от полотна железной дороги, а теперь поступил на службу правительству и впервые увидит армию буров. С Кронье он встречался минувшим летом в Претории, но может о нём сказать только то, что это умный и богатый старик.

³⁸ Витватерсранд (Хребет белой воды) – гребень, вытянувшийся на 50 км с востока на запад ЮАР. Там в 1886 г. были обнаружены богатейшие месторождения золота.

– Мы с вами одинаково едем в неизвестность, но в успех буров я верю, – заметил молодой доктор. – Я только год здесь, но уже их хорошо узнал, знаю, что они увлекаться химерами не способны, а между тем войну эту они начали с глубокой верой в свои силы, право и помощь Всевышнего. Вы скоро убедитесь, что это народ, которому можно верить, делу которого можно служить. Сперва меня даже неприятно поражало их чрезвычайное хладнокровие и спокойствие, казавшееся мне апатией, но я скоро понял, что это отнюдь не апатия. Взгляните, вот... – указал доктор на своих спутников: старик фан Блум, фельдкорнеты, секретарь и интендант, комфортабельно расположившись, спали, как убитые.

– Если бы я не знал, что в данную минуту ваши нервы не позволят этого, я бы и вам советовал заснуть, последовав моему примеру.

Доктор кивнул Горскому и расположился на широкой мягкой скамье, опустив шторы на широком окне.

По обе стороны дороги быстро убежали назад холмистые поля с колосившейся пшеницей, с одинокими разбросанными на далёкое расстояние друг от друга фермами, утопающими в густой зелени садов.

Возделанные поля сменялись голыми каменистыми лысынами, вновь уступавшими место полям или густым зарослям по берегам речки и ручьёв, через которые мчался поезд.

У Клип-Ривер-Стэйшен, на берегу реки, обрамлённой богатой растительностью, Горский впервые увидел крааль – селение кафров, состоящее из высоких, конусообразных, сложенных из хвороста и камыша жилищ, вокруг которых бродили негры, одетые в звериные шкуры и лохмотья якобы европейских костюмов, которые чаще всего состояли из панталон и шляпы.

На станциях, у которых поезд лишь замедлял ход, и около мостов заметны были небольшие отряды вооружённых буров. Они охраняли дорогу от туземцев, которым буры не особенно доверяли, зная ловкость английских эмиссаров и слабость ту-

земцев к золоту. Буры махали шляпами направлявшимся на поля битвы соратникам, локомотив свистел, поезд вновь мчался по полям и степям.

Около 5 часов вечера повеяло прохладой, поля и степь сменились пересечённой местностью, покрытой богатой растительностью, и поезд стал спускаться с высокого плоскогорья Трансвааля в долину реки Вааль. У Ольдзон-Дрифт-Стэшен поезд остановился на самом берегу реки, и все высыпали на берег. Здесь был назначен ужин. По берегу запылало несколько десятков костров, над очагами были повешены котлы, а буры группами по 10 человек усаживались около костров. Импровизированный лагерь мало походил на знакомые Горскому лагеря русских солдат: нигде ни песен звонких, ни командных окликов, ни шума, ни суеты. Только на крайнем фланге, у купы плакучих ив и алоэ виднелось оживление и слышался шум. Туда и направился Горский, уверенный, что там расположились его французы. И не ошибся. При приближении «капитана», «компаньоны» стихли, но потом опять зашумели, проклиная москитов, которые тучами облепили их, лезли в рагу, приготовленное ла Бутейлем, но, как ни странно, не трогали буров. Лажуайез жёстко острил по этому поводу. Все были веселы, несмотря на утомительный переезд на едва приспособленных для людей товарных платформах без навеса, под горячим солнцем, немилосердно палившем весь день, веселы уже потому, что спустившийся в долину вечер принёс приятную прохладу, а москитов прогнал густой дым от костра.

Французы были очень польщены, когда Горский согласился разделить с ними их *ragu de la gamelle*³⁹, после чего Леру налил каждому по чарке *brandewyn*⁴⁰, настойки из персиков, которую буры прекрасно готовят, но мало пьют, и которая «компаньонам» должна была отныне заменить все спиртные напитки.

³⁹ Из общего котла.

⁴⁰ Брандвейн (шнапс) – крепкий алкогольный напиток из Германии.

ки и аперитивы Франции. Сегодня за завтраком в Претории они в последний раз пили местное лёгкое вино, которого нельзя будет достать на боевой линии⁴¹.

В семь часов вечера отряд занял свои места в поезде, и он, перебравшись через грандиозный мост, соединяющий Трансвааль с Оранжевой Республикой, помчался по территории дружественной и союзной страны, оставив за собой тропические заросли долины и углубляясь в безбрежную холмистую степь.

Спутники Горского спали. Вскоре заснул и он, после того как несколько раз на площадке вздохнул прохладный ночной воздух и полюбовался молодым серпом луны.

Рано утром 18 ноября нильстромский отряд прибыл в Блумфонтейн, столицу Оранжевой Республики, красивый, весь в садах городок с 4 тысячами жителей, расположенный на берегу реки Моддер. Отдав приказания фельдкорнетам, фан Блум пригласил Горского в свой кэб, съездил в Government Building, где недолго беседовал с секретарем президента республики Стейна⁴², в данную минуту формировавшего отряд

⁴¹ С начала войны указом президента Крюгера продажа любых спиртных напитков в Трансваале была запрещена, но разрешалась в Оранжевом Свободном Государстве.

⁴² Стейн Мартинус Теунис (1867–1916) – с 1896 г. по 1902 г. – президент Оранжевого Свободного Государства. До того был генеральным прокурором Оранжевого Свободного Государства. Выступал за укрепление связей с Трансваалем и за военный союз бурских республик. Он, как никто другой, прекрасно понимал, чем кончится война, но предпочитал лишиться политической независимости с честью. Стейн часто ездил на фронт вместе с президентом Крюгером и ободрял своих граждан.

В начале марта 1900 г. направил телеграмму премьер-министру Великобритании Солсбери с предложением начать мирные переговоры, но при условии сохранения независимости бурских республик. Пытался вместе с Крюгером добиться поддержки великих держав, но безуспешно. После захвата Блумфонтейна перенёс столицу в Кронстадт, где на совете 20 марта 1900 г. было официально принято решение вести преимущественно партизанскую войну, в которой он позднее принял самое непосредственное участие. Трудная полевая жизнь привела к тому, что он тяжело заболел. С апре-

Вильбургского округа, а затем поехал с Горским на базарную площадь, где помог ему сравнительно недорого купить фургон, восемь пар буйолов и три десятка жирнохвостых баранов, в придачу к которым продавший их фермер-бур дал пару сторожевых собак⁴³, более похожих на волков, с взъерошенной шерстью и длинными, узкими мордами.

Тут же для ухода за скотом были наняты четыре рослых зулуса, за которых поручился старейшина одного из ближних к городу краалей, был куплен пятиведерный бочонок для воды, достаточное количество фуража, пара запасных колёс, новый «жамбок» и другие мелочи. Всё это было погружено в фургон, бывшему хозяину которого фан Блум объяснил, что нужно доставить всё это в лагерь отряда, расположившегося за чертой города по яacobсдальской дороге, куда затем фан Блум и направился с Горским в кэбе, и где они нашли пришедший за три дня до этого обоз отряда, три недели пробиравшийся сюда от Нильстрёма.

Фан Блум объяснил Горскому, что для него лучше всего будет до соединения с армией генерала Кронье двигаться с нильстромским отрядом. Конечно, Горский согласился, спросив лишь, как скоро отряд выступает.

ля 1902 г. он участвовал в переговорах с британским главнокомандующим Китченером, но выступал против аннексии Оранжевого Свободного Государства. Чтобы избежать сепаратного подписания мира трансваальцами, он назначил Христиана Девета вице-президентом Трансвааля с полномочиями подписать мирный договор, но сам наотрез отказался подписывать его. В течение долгого времени лечился в Европе. В 1909 г. ездил в составе бурской делегации в Лондон договариваться об условиях создания Южно-Африканского Союза. Пытался разрешить разногласия среди африканерских вождей. В 1914 г. он уговаривал Девета не участвовать в восстании, но напрасно. После поражения восставших он призывал отнестись к ним милосердно. Но казнь Фурье, убийство Деларея и другие подобные события совершенно подорвали его здоровье, и Стейн скончался в Блумфонтейне в 1916 г.

⁴³ Вероятнее всего имеется в виду порода Риджбэк (Ridgeback) (гребенчатая собака), известная по прозвищу «львиная собака» за свои охотничьи способности.

– Мы выступим сегодня же после ужина, часов в 6 вечера, – отвечал старик. – Если у вас не всё готово, то вы успеете послать людей в город. Мы торопимся. Я сегодня узнал, что голова дивизии Метуэна⁴⁴ выступила из Де Аара, а Кронье вышел к нему на встречу, и мы найдем армию, вероятно, уже на позиции где-либо между Граспаном и Бельмонтом, следовательно, миль на 50 за Якобсдалем. Надо торопиться. Дня через четыре у Кронье будет бой, наверное. Англичане изменили свой план и идут освобождать Кимберлей. Пока до свидания.

Горский собрал совет в составе Леру, Бредефера и Лажуайеза. Осмотрели новое хозяйство отряда, фургон нагрузили тю-

⁴⁴ Метуэн (Метьюн) Санфорд Поль (1845–1932) – барон, английский генерал. Участвовал в войне против ашанти (1874), служил в Ирландии. Военный атташе Британии в Берлине (1878–1881). Участвовал в экспедиции в Бечуаналенд (1884–1885). После начала англо-бурской войны был назначен командующим первой пехотной дивизией и прибыл в Южную Африку в ноябре 1899 г. Ему была поставлена задача деблокировать Кимберлей, хотя у него под рукой было всего 10 тыс. человек почти без конницы. Вытеснил бу ров с позиций у Бельмонта (23 ноября) и Энслина (25 ноября). Но у Моддер-Ривер, не разобравшись со своеобразными условиями горного театра войны, приказал 28 ноября 1899 г. провести безуспешную фронтальную атаку на бурские позиции, во время которой был ранен. Плохая разведка и скрытное расположение позиций африканеров привели к тому, что в сражении при Маггерсфонтейне во время ночной атаки 11 декабря 1899 г. бригада шотландских горцев («Чёрная стража») напоролась на засаду и была разгромлена бурами, стрелявшими с близкого расстояния из замаскированных окопов. Потери были очень велики. После снятия осады с Кимберлея части под его командованием действовали в районе Бошофа. С конца августа он командовал войсками в Западном Трансваале, преследуя неуловимого Девета. Карьера Метуэна в Трансваале как заместителя главнокомандующего Китченера прервалась совсем скандальным образом: в бою при Твибоше 7 марта 1902 г. его силы были разбиты бурами под руководством Кемпа и Деларея, а сам он, будучи ранен в ногу, попал в плен. Вскоре буры, подлечив его, выпустили, дав тем самым понять, что они готовы на заключение мирного договора. С 1908 по 1912 г. он был главнокомандующим британскими войсками в Южной Африке. (Ещё в 1911 г. ему был пожалован чин фельдмаршала). С 1915 по 1919 г. Метуэн был губернатором и главнокомандующим британскими силами на Мальте.

ками с запасами, купленными в Претории и доставленными из Европы, причём в фургоне осталось свободное место для складного стола и двух стульев, для «канцелярии» отряда, как определил Леру. Погонщики-зулусы, быки, овцы и собаки поступили под команду Лажуайеза, ибо только он мог объясняться с погонщиками, с трудом понимавшими по-голландски. Недоставало лишь кое-каких мелочей, за которыми съездили Брадефер и Бурдон. Французы, как и их соседи буры, в 11 часов позавтракали, затем отдыхали и готовились в путь, в 4 часа был ужин, а в 6 часов обоз потянулся по якобсдальской дороге, окружённый верховыми бурами. В арьергарде шёл отряд Горского.

Переночевав у фермы, которую называли Григоровской⁴⁵, что немало поразило Горского, 19 ноября отряд сделал переход вёрст в 60 до Вейерфонтейна, переправившись в брод через реку Каффир, а 20-го вечером вступил в Якобсдаль, маленький городок на берегу реки Рит, где находился главный склад провианта и снарядов для отряда буров, оперировавших против Кимберлея. 21 ноября отряд, сделав переход в 30 вёрст, достиг железнодорожной станции Моддер, где расположены были главные силы Кронье, не превышавшие ещё 3 тысяч.

Отряд был утомлён, совершив за два с половиной дня свыше 150 вёрст. Вернувшийся от Кронье фан Блум привёз приказ 22 ноября дать полный отдых нильстромцам. Горскому он передал приглашение явиться на другое утро в 6 часов.

В эту ночь Горский спал тревожно. Он бредил... видел Волкова, скверную физиономию англичанина, спутника на «President Faure», скалящего зубы, рожу погонщика-зулуса и Лажуайеза. Потом всё это сменилось чудным видением красавицы-девушки, давшей ему розу в Претории; прелестная улыбка её рассеяла тяжёлый кошмар, и Горский заснул спокойным, бодрящим сном. Он был ему очень нужен.

⁴⁵ Григоровский – судья Трансвааля, бывший гражданин Оранжевой Свободной Республики. Поляк по рождению (непроверенные сведения).